

У МОРЯ

На море не простужаются, не страдают
отсутствием аппетита, слабостью
или подавленностью.

Сэндитон

До наступления Георгианской эпохи вам бы и в голову не взбрело ехать к морю — если только вы не были рыбаком. Зачем рисковать? Море — опасная и дикая стихия. Лишь в конце XVIII века публика начинает понимать, что морской отдых — это не только романтика, но и здоровье. Многие стремились во что бы то ни стало попасть к морю. К их числу принадлежала и Джейн Остин.

В конце мая 1801 года Остины сорвались с места, покинув город, в который только что спешно переселились. Может показаться странным, что они сняли дорогое жилье на Сидни-плейс, чтобы тут же его оставить, но, как мы уже знаем, в доме затевался ремонт, кроме того, не исключено, что Остины сдали его в краткосрочную субаренду, чтобы частично возместить арендную плату, составлявшую 150 фунтов в год. После того как мистер Остин продал принадлежавшую ему ферму, его годовой доход уменьшился до 600 фунтов.

Не будем недооценивать притягательности морского отдыха для Джейн. Надежды на него помогали ей примириться с отъездом из Стивентона: «Для меня отрадн перспектива провести лето у моря или в Уэльсе». Георгианские пляжные курорты предлагали желающим не слишком комфортабельную жизнь на съёмных квартирах. «Каникулы» продолжались недели, а иногда и месяцы: как говорится, дешево и сердито — что-то вроде современных путевок со скидкой по схеме «все включено»; ими охотно пользуются современные пенсионеры, готовые в межсезонье слетать куда-нибудь на Канарские острова. В октябре 1801 года одна кузина сестер Остин писала другой о том, что «дядюшка и тетушка Остины вместе с дочерьми провели [все] лето в Девоншире».

Джейн, Кассандра и их родители никогда не выезжали за границу. В те годы британцы заново открывали для себя родной остров. Отправиться в «большое путешествие по Европе» они не могли, поскольку Наполеоновские войны (если не считать краткой передышки с марта 1802 года по начало 1803-го, после подписания Амьенского мира) «почти полностью закрыли континент для британского бездельника».

Поэтому британская знать — как Гардинеры в «Гордости и предубеждении» — предпочитала поездки в Озерный край или в графства, лежащие к юго-западу от Лондона. По мере того как ширилась мода на «домашние отпуска», они все чаще становились предметом насмешек со стороны сатириков. В массовой культуре появляются карикатурные образы: например, незадачливый и уморительно смешной доктор Синтаксис поэта Уильяма Комба — обедневший приходской священник, чей тур по Британии в поисках «живописности» то и дело приводит к незапланированным катастрофическим результатам. Путешествие пастора в Озерный край

завершается его падением в одно из озер. Он наслаждается красотами природы в «величественном лесу», но тут на него нападают разбойники и связывают его по рукам и ногам. Ему случается также спяну заблудиться:

Меж тем уж вечер. Мелкий дождь
Туманом застил всю равнину.
И пиво уж наполовину
Рассудок замутило. Что ж,
Наш сбился Синтаксис с пути.
Где он теперь? Куда идти?

Джейн была большой поклонницей этого комического персонажа и с удовольствием выискивала в реальной жизни обладателей характерного «длинного подбородка», которым снабдил доктора Синтаксиса художник Томас Ричардсон, автор забавных иллюстраций к поэме.

Подробности передвижения Остинов в течение нескольких приморских летних сезонов, следовавших один за другим, точно не известны. Вероятно, в 1801 году они посетили Сидмут и Колитон, что позволило им остановиться (по дешевке) у одного из бывших учеников мистера Остина. 1802 год привел их в Долиш и, по-видимому, в Тинмут, откуда они направились в Уэльс — судя по всему, в Тенби и Бармут. У нас есть весьма характерное свидетельство о том, что Джейн побывала в Долише: двенадцать лет спустя она сетовала, что «тамошняя библиотека пребывала в жалком и запущенном состоянии». В 1803 году пришел черед Чармута и Аплайма. Они дважды посетили городок Лайм-Риджис — в 1803 и 1804 годах.

Но, вероятно, сильнее всего британцев тянула к морю мысль о купаниях. К тому времени доктора стали рекомендовать морские купания как лекарство практически от всех болезней. Фундаментальный труд Джозефа Брауна «О необычайных исцелениях посредством холодных

ванн» (1707) утверждал, что погружение в холодную воду способно избавить от рахита, золотухи, «слабой эрекции» и «общего неустройства в области гульфика». Взгляды автора нашли отражение в популярной песенке:

Есть польза от холодных ванн:
Вновь пылкой страстью обуян,
Старик старуху обнимает
И гордо жезл свой воздымает.

Морские купания пропагандировали как средство от бесплодия и запора. Во многих приморских поселениях начала разрастаться, потеснив рыболовство, туристическая индустрия. В 1803 году автор «Путеводителя по источникам и морским пляжам» заявлял, что «совершать ежегодные поездки на побережье стало модным обыкновением». Береговая линия, на которой оборудовали пляжи для богатых гостей, со временем удлинялась, «каждые восемь или десять лет все дальше простираясь на запад и на юг, от Уэймута к Сидмуту, от Сидмута к Эксмуту и далее — до Долиша и Тинмута».

Морские купания заслужили и монаршее одобрение. В 1804 году Кассандра и Генри, приехав в Уэймут, испытали горькое разочарование, узнав, что город только что покинуло королевское семейство. Фрэнсис Берни писала о необычайном патриотизме жителей Уэймута. Вот как они принимали Георга III: «Вообразите изумление Его Величества, когда он, впервые вздумав искупаться в здешних водах, едва лишь окунул в море свою царственную голову, как вдруг оркестр, который прятался в стоявшей поблизости купальной машине, грянул „Боже, храни Георга, короля нашего“».

Давно недомогавшая миссис Остин очень рассчитывала на пользу купаний. Но еще больше радовалась морю ее дочь Джейн. В 1803 году, во время пребывания в

Рамсгейте, она снова встретилась с высокомерным романистом сэром Эджертоном Бриджесом, братом ее подруги мадам Лефрой. Он обнаружил, что в свои почти тридцать лет она выглядит необычайно хорошо: «преlestная и очаровательная, изящная и стройная, только щеки немного полноваты». Но он никогда «не подозревал в ней сочинительницу» — и не удосужился это выяснить.

Остины приехали в Рамсгейт в 1803 году, когда шла война. Разумеется, угроза неприятельского вторжения сильнее всего ощущалась на южном побережье. Фрэнку Остину поручили командование отрядом «морских стражей», добровольной дружины, которая должна была оборонять Кент. Он счел бойцов своего подразделения никудышными вояками: «невзрачные полуматросы-полусолдаты, не обладающие достоинствами ни матросов, ни солдат», — но все-таки приступил к разведке мест возможной высадки французов. Занятие было утомительным, но Фрэнк находил утешение в визитах родных, которые приезжали к нему в Рамсгейт. Кроме того, вскоре он познакомился с Мэри Гибсон, которая позже стала его женой.

На некоторых курортах переносные деревянные «купальные машины» спускали с берега в море, на других — ставили у кромки берега, чтобы их заливало приливной волной. Купальная машина представляла собой нечто вроде садового сарайчика на колесах. Иногда служители затаскивали ее в море, чтобы купальщик мог выпрыгнуть из нее прямо в воду. Процедура требовала немало труда. По мере того как отдыхающие становились более спортивными и более привычными к плаванию, необходимость в купальных машинах уменьшалась, и они все отступали всё дальше на берег, к краю песчаной полосы, — как современные пляжные кабинки.

Служитель или служительница (их именовали «купателями» или «окунателями») помогали боязливым купальщикам и поддерживали тех, кто не умел плавать. В ту пору мало кто из британцев мог хотя бы держаться на воде, и положение стало меняться лишь в 1830-е, когда начали проводить состязания по плаванию. У принца Уэльского (будущего короля Георга IV) имелся свой любимый купатель — Джон Майлз из Брайтона по прозвищу Старый Куряка. Но наследник отказывался внимать его экспертному мнению. «Мистер принц, мистер принц, вернитесь!» — звал Старый Куряка, если Георг заплывал слишком далеко, а потом плыл за ним, «хватал его за ухо» и вытаскивал на берег. Вероятно, Джейн, как и большинство современников, плавать не умела: она упоминает об окунательнице по имени Молли; однажды она «так настаивала, чтобы я получила удовольствие», пишет Джейн, что слишком долго продержала ее в воде, заставив порядком продрогнуть.

Некая миссис Констанция Орлебар оставила нам описание своего первого в жизни морского заплыва — в купальнях Саутгемптона, наполнявшихся во время прилива. В подростковые годы Джейн тоже посещала Саутгемптон, и этот рассказ дает нам представление о том, как она перенесла первое знакомство с морем. Констанция облачилась в «зеленое фланелевое платье» и принадлежавшую ее невестке кожаную шапочку, «дабы волосы спереди оставались завитыми». Невестка вошла в воду первой — «с завидной отвагой, а дальнейшее сделало ее поведение решительно героическим». Констанция признается: когда пришел ее черед, ее «охватила паника», но она «взялась за руки миссис Тринг [своей окунательницы] и тотчас же бросилась в воду, испытав самые чудесные ощущения — но лишь на миг!». «Я поднялась над водою, — продолжает она, — едва не задохнувшись от

нечаянно проглоченного ее количества, потому что я забыла закрыть рот. Как счастлива я была, вновь оказавшись на твердой суше!»

«Чудесные ощущения!» В «Эмме» море явно символизирует секс: именно здесь Фрэнк встречает свою возлюбленную Джейн Фэрфакс, и именно на морское побережье отправляются Эмма и мистер Кингсли, чтобы провести здесь медовый месяц. Для аристократок Георгианской эпохи ласкавшие тело морские волны явно служили источником физического удовольствия — чудесного и немного пугающего.

Для Джейн жизнь на морском курорте тоже оказалась связанной со страстью. Если верить свидетельствам, которые оставила нам Кассандра, великой любовью Джейн был вовсе не Том Лефрой, а некий загадочный джентльмен, которого она повстречала во время очередных летних каникул.

По словам Кассандры, на одном из приморских курортов они «свели знакомство с джентльменом, поражающим окружающих своим обаянием, умом и манерами». Кассандра полагала, что он вполне достоин заслужить расположение и даже любовь ее сестры. Когда они расстались, он выразил намерение снова с ними увидеться, и Кассандра не питала никаких сомнений касательно его намерений. Вот вам и третий серьезный поклонник Джейн Остин! Вот вам и убежденная старая дева!

Рассказ Кассандры передан в изложении ее племянника Джеймса Эдварда Остина-Ли. Но более интересные воспоминания о тогдашних событиях оставила его сестра Каролина, которая очень точно воспроизводит живую речь их участников. «В Девоншире, — пишет Каролина, — они познакомились с одним очаровательным джентльменом — я никогда не слышала, чтобы тетя Касс. говорила о ком-нибудь с таким восхищением — она не

сомневалась, что между ним и ее сестрой развивается взаимная привязанность».

Этого таинственного джентльмена называет по фамилии еще одна кузина сестер Остин — Кэтрин Хаббэк: «доктор Блэколл». По ее версии, с наступлением осени пара рассталась. Однако загадочный воздыхатель «стремился разузнать, где они собираются провести следующее лето, намекая, а быть может, и прямо говоря, что и он туда придет... Он влюбился в тетушку Джейн». К тому же не было «никаких сомнений, что его чувства не остались бы без ответа».

Эти слова Кэтрин Хаббэк подтверждаются свидетельством Анны Лефрой, племянницы, которая могла похвастаться наибольшей близостью к своим тетушкам и, скорее всего, знала правду. «Даже тетя Кассандра считала, что он достоин ее сестры, — говорила Анна своей дочери. — Они расстались, уверенные, что он придет в Стивенстон».

Родственницы Джейн с жаром настаивают на существовании этого поклонника. «У меня нет сомнений, — продолжает Каролина, — что тетю Джейн любили несколько человек и что она сама была в высшей степени способна на проявление любовных чувств».

Увы, в описании дальнейших событий свидетели расходятся. Одни утверждают, что Джейн познакомилась с таинственным поклонником в 1801 году, другие — что это произошло шесть или даже восемь лет спустя. Кто-то вспоминает о нем как о «докторе» Блэколле, кто-то — как о «мистере Эдварде Блэколле». Или вот еще: «Если не ошибаюсь, было два брата», один из них — врач. Известно также, что с этим последним «тетя Кассандра по-встречалась много лет спустя» и обнаружила, что он превратился в «обрюзгшего краснолицего господина средних лет».

Из всей этой мешанины туманных семейных воспоминаний можно с уверенностью вывести всего один факт: в начале XIX века у Джейн был курортный роман на приморском юго-западе Англии. Наиболее точные сведения дает Фанни, дочь Анны Лефрой, которая пишет о «молодом священнике, посещавшем своего брата, одного из городских докторов».

Кое-кто предполагает, что таинственный джентльмен должен быть нам знаком еще по Хэмпширу и что это не кто иной, как преподобный Сэмюэл Блэколл, который ухаживал за Джейн после истории с Томом Лефроем. У него действительно был брат-эскулап — доктор Джон Блэколл, окружной врач, пользовавший больных городка Тотнес и его окрестностей. Возможно, миссис Остин требовались рекомендации врача во время ее пребывания в Девоншире: это объяснило бы, почему Остины и Блэколлы возобновили знакомство. Возможно, преподобный Блэколл, которому в 1798 году не хватало средств, чтобы сделать Джейн предложение, теперь располагал ими и разыскал Остинов.

Если загадочным ухажером был именно преподобный Блэколл, почему предложения с его стороны так и не последовало? В рассказах нескольких представителей семейства Остин есть общая подробность, которая резко снижает вероятность того, что речь в этой истории идет именно о Блэколле. Джейн рассталась со своим возлюбленным в конце лета, недвусмысленно условившись о следующей встрече. Но спустя недолгое время вдруг пришло ужасное письмо, в котором «сообщалось, что он умер».

Разобраться во всей этой истории непросто: она разваливается, когда нам становится известно, что в 1813 году преподобный Блэколл, отнюдь не покойник, женился на другой девушке. Узнав об этом, Джейн вовсе не выглядела опечаленной. Она прочитала сообщение о

бракосочетании в одной из газет и поймала себя на том, что раздумывает, «к какому сорту женщин ее [молодую жену Блэколла] следует отнести». Она ничего не знала об избранице Блэколла, но это не помешало Джейн представить себе эдакое черствое создание: «молчаливого нрава, довольно-таки невежественное... обожающее на обед холодную телятину и зеленый чай, а перед сном опускающее зеленые жалюзи».

Что касается самого Сэмюэла Блэколла, этого интересного говоруна, то Джейн вспоминает о нем как об «образчике совершенства, пусть и довольно шумного совершенства, но я всегда думаю о нем с приязнью». Эта похвала, больше похожая на насмешку, многих заставляет предположить, что художественным плодом знакомства Джейн Остин и Сэмюэла Блэколла стал респектабельный, но приземленный мистер Коллинз из «Гордости и предубеждения».

Во всех этих историях есть один общий элемент: роман происходит у моря. В «Эмме» главная героиня, Эмма Вудхаус, полагает, что Джейн Фэрфакс наверняка влюблена в таинственного мистера Диксона, ибо он спас ее от гибели в морской пучине (нечто подобное проделала «окунательница» самой Джейн). Мисс Бейтс замечает, что лишь сила его рук помогла мисс Фэрфакс, которую иначе бы «сбросило в воду». Подобно типичной георгианской леди, впервые погружающейся в море, мисс Бейтс и встревожена, и возбуждена такой перспективой: «Подумать не могу об этом без содрогания!» В ту пору сама мысль о море заставляла дам трепетать.

Но в жизни Джейн после этого таинственного и щекочущего чувства летнего романа вскоре случится гораздо более реалистичная история, и произойдет она на самой что ни на есть сухой и надежной тверди — в Хэмпшире.